

Курюкин Андрей Николаевич
Центр комплексных социальных исследований
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Российская Федерация
kuriukin@inbox.ru

Типы российского правосознания как основа формирования старых и новых солидарностей

Аннотация. В структуре российского правосознания могут быть объективно выделены: традиционный (дореволюционный), советский и постсоветский типы. Им соответствуют специфические ценностные комплексы. Они, при своем господстве в сознании индивида, группы или страты, определяют восприятие ими крупных правовых явлений, оценку социально-правовых процессов и, закономерно тот или иной тип правомерного или противоправного поведения. Исходя из этого, именно они, очевидно, выступают одним из важнейших оснований для формирования старых и новых солидарностей.

Ключевые слова: право; сознание; правосознание; социум; вызовы; угрозы; правоприменение; солидарность

Kuriukin Andrey Nicolaevich
Institute of Sociology
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
kuriukin@inbox.ru

Types of russian legal awareness, as a foundation for old and new solidarities

Abstract. In the structure of the Russian legal consciousness can be objectively distinguished: traditional (pre-revolutionary), Soviet and post-Soviet types. They correspond to specific value complexes. They, with their dominance in the consciousness of an individual, group or stratum, determine their perception of major legal phenomena, the assessment of social and legal processes and, naturally, this or that type of legitimate or illegal behavior. Based on this, it is they, obviously, that are one of the most important grounds for the formation of old and new solidarity.

Keywords: right; consciousness; legal awareness; society; challenges; threats; law enforcement; solidarities

1. Введение

Вопрос генезиса солидарностей в современном обществе является важной социально-политической, так и прикладной проблемой. Объективно, основанием любой солидарности выступает как минимум сходство, а как максимум идентичность мировоззрения, типа мышления и базовых характеристик сознания самых разных с виду людей. Одним из ключевых компонентов сознания любого человека выступает

правосознание, как та часть сознания, в которой преломляются правовые явления и все явления окружающей действительности, оцениваются с позиций представлений о праве, присущих конкретному человеку. Именно здесь лежат интеллектуальные и социально-психологические основы формирования солидарностей, вырастающих на фундаменте сходного или идентичного распознавания окружающих социальных процессов, формирования к ним отношения и в перспективе выстраивания особого поведения, реализации специфических социальных практик. Рассмотреть – как типы современного правосознания, присущие россиянам, выступают в качестве фундамента формирования старых и новых солидарностей и есть главная задача данной работы.

Данная статья написана в рамках выполнения государственного задания по теме НИР на 2019–2021 гг. – «Российское общество перед новыми вызовами: динамика социально-экономического положения, ценностных ориентаций и социального участия различных групп населения».

2. Структура современного российского правосознания и его типы

Структура современного отечественного правосознания является сложносоставной. В ней можно выделить сразу несколько крупных комплексов ценностей, порождающих оценки, отношения, предпочтения, а зачастую и заблуждения. По сути, таких комплексов можно выделить три:

- 2.1 Традиционное правосознание;
- 2.2 Советское правосознание;
- 2.3 Постсоветское правосознание.

Они, фактически диктуют формирования особых типов правосознания россиян. Рассмотрим их подробнее.

2.1 Традиционный тип правосознание

Формирование традиционного правосознания россиян, следует, по справедливому утверждению Б. А. Кистяковского, отнести к эпохе господства традиционного права и констатировать его источниками субъективные и объективные факторы [Кистяковский, 1911: 1–17] В качестве объективного фактора должны быть названы те социально-политические условия жизни и экономический уклад, которые были свойственны традиционному обществу. Тогда как субъективными те ставшие традиционными социально-правовые практики взаимодействия, приобретшие, постепенно, парадигмальный характер примеров или образцов поведения, репродуцируемых из поколения в поколение. Проще всего рассмотреть эти вопросы на примере русской крестьянской общины, которая наиболее хорошо изучена в отечественной исторической и правовой историографии.

На протяжении последней четверти XIX – первых десятилетий XX века, Российская империя оставалась аграрной страной, при этом в сельской местности проживало и крестьянским трудом занималось, по разным подсчетам, более 80 %

населения страны. В тоже время, по данным имперской статистики конца XIX века, количество неграмотного населения в стране было, в среднем, чуть меньше приведенного выше показателя и составляло, в среднем, от 63 до 72 %. Практически все сельское население входило в крестьянскую сельскую общину, которая до 1904 года взаимодействовала с государством на основе круговой поруки, неся коллективную ответственность за выплату государственных налогов [Изгоев, 1906]. При этом сами российские крестьяне по условиям освобождения в ходе отмены крепостного права 1861 года, становились свободными сельскими обывателями и автоматически приобретавшими весь спектр прав и обязанностей, то есть – гражданский правовой статус.

На практике, учитывая указанные выше данные о грамотности населения, следует отметить, что право и закон оставались для большинства социально-политической фикцией, так-как ни получить объективную информацию о сути конкретных прав и законов, о способах их отстаивания и самозащиты, ни реализовать их каким-либо образом в реалиях своей жизнедеятельности они без сторонней помощи не могли. Поэтому, в повседневной жизни и при разрешении коллизий руководствовались естественным, а не позитивным правом, ориентируясь на неписаные нормы повседневного взаимодействия и правовые обычаи, возводившиеся в культ. В отношении писаного государственного (позитивного) права наблюдались боязнь и отторжение, мотивировавшиеся тем, что писанный закон, для неграмотного (малограмотного) человека, может быть повернут и так, и этак, и, чаще всего, направлен против него.

Рассматривая принципиальные характеристики традиционного правосознания, необходимо отметить, что у его ценностей, имелось, таким образом, три основных источника – религиозные убеждения, бытовая нравственность и объективные условия жизни. Отталкиваясь от этого, следует констатировать, что на передний план, в качестве образующих, можно выдвинуть социоцентрические ценности. В их рамках, фактически, происходило поглощение индивидуальности общиной (коллективом), когда интересы общества ставились превыше интересов личности, что не редко приводило к её подавлению. В тоже время, такой подход приводил к формированию моноценности равенства-справедливости, которая выражалась известной максимой: «Что – людям, то и нам!» и порождала определенные социальные естественно-правовые требования.

В тоже время, господство естественного права, которое прямо зависело от морально нравственного облика конкретных индивидов, которые могли придерживаться его норм, не придерживаться или поступать ситуационно, генерировало расслоение в общине по принципу способности или не способности решить тот или иной вопрос в свою пользу силой, хитростью или деньгами. Последнее, особенно, проявлялось во взаимодействии с властью преобладающими – начальством, решение которого в условиях расплывчатой гражданственности, повальной

малограмотности выступало абсолютной волей, практически исключительно на основе подарков и отдариваний, а, проще говоря, взятки, которые воспринимались не просто как закономерный, а практически единственный способ взаимодействия с облеченными властью на уровне индивида, группы и общины в целом. Более того, со временем взяточничество настолько прочно вошло в среду ценностей традиционного правосознания, что стало интерпретироваться как необходимое условие решения любого вопроса [Астырев, 1886].

Такая совокупность субъективных и объективных факторов породила одну важнейшую ключевую черту традиционного правового менталитета – правовой нигилизм, являющуюся определяющей для генезиса и трансформации правовых ценностей в любых условиях. Он, в сущности, не выливался в отрицание права как такового, он активно трактовался и воплощался в поведенческих стереотипах, как отрицание действительности права здесь и сейчас, как сомнение в его эффективности и неверие в результативность правоприменения. Отсюда вытекает то, что среди ценностей традиционного правосознания на передний план выходили способность и возможность индивида решать вопросы социально-бытовыми (устный договор), в том числе и незаконными (сила, взятка), средствами. Тогда как легально-правовой способ почитался длительным и с не установленным результатом.

Таким образом, можно констатировать, что традиционному правосознанию россиян характерна двойственность ценностей, где субъективно уживаются положительные представления о свободе, равенстве и справедливости, концентрируясь в теоретико-идеалистской области и правовой нигилизм в суждениях о праве, эгоизм и эгоцентризм в социально-правовом поведении и волюнтаризм в правоприменении. Такая ситуация породила и привела к фактической консервации субъективного восприятия права в традиционном сознании, интерпретируемого в парадигме двойных стандартов.

2.2 Советское правосознание

Рассматривая вопрос ценностной характеристики советского правосознания, нельзя не отметить, что кроме объективной функции отражения происходящих вокруг индивида правовых событий, оно включает в себя еще и понимание и идентификацию правовых действий, среди которых на переднем плане было взаимодействие конкретного гражданина с конкретными правовыми институтами и, прежде всего, законом!

Давая ему более подробную характеристику, следует отметить, что дуалистичность корней советского правосознания, подчиненность права идеологическим догматам и политическим установкам партийных органов привела к дуалистичности всей советской официальной правовой системы как в институциональном, так и в процессуальном плане. Она несла в себе ряд действительно высоких достижений, но, во многом была ущербной, ибо включала в себя ряд фикций

и фальсификаций, носила характер мифа, все более и более в юридической действительности отдаваясь как от реалий объективного состояния советского общества и государства, так и от достижений дореволюционного российского и современного мирового права, векторов развития юридической теории и практики, действительных, а не провозглашенных идеалов и ценностей гуманистического права и т.д.

Провозгласив человеческую жизнь, свободу и социальную справедливость как наивысшие ценности, право последовательно и постоянно отражая эти категории во всех, без исключений, важнейших и основополагающих для развития страны документах, таких как Конституции (1918, 1924, 1936, 1977 годов) и Программы КПСС (за все годы). Однако на практике все было несколько по-иному. Декретом СНК от 5 октября 1918 года была введена трудовая повинность для «буржуазных элементов», а несколько позже, с принятием 10 декабря 1918 года Кодекса законов о труде (КЗоТ), трудовая повинность была установлена для всех граждан РСФСР. Уже в следующем году, 14 апреля 1919 года выходит Декрет ВЦИК Советов № 124 «О лагерях принудительных работ», а 17 мая 1919 года опубликовано постановление ВЦИК Советов «О лагерях принудительных работ», которые определяли принудительную форму выполнения трудовой повинности гражданами в лагерях, в том числе и на значительном удалении от места жительства [Верт, 2007: 154].

В тоже время, формирование ценностного комплекса советского правосознания протекало в условиях господства ряда черт и процессов, которыми отличалась тогдашняя советская правовая система. Так, её генеральной идеолого-правовой парадигмой стало абсолютное, полное и повсеместное оправдание советского законодательства и распространенных практик правоприменения, дополненное их постоянным восхвалением, противопоставлением дореволюционному и современному зарубежному праву, характеристики как совершенно нового, невиданного доселе в мире, замечательного права. В ракурсе идеологических деклараций активно вводились в практику и повсеместно и непрерывно использовались такие категории как «социалистическое право», «социалистическая законность», «социалистический правопорядок», а приставка «социалистическое» начинает предварять любую юридическую категорию, как например: «социалистическое правоотношение», «социалистическая правовая норма», «социалистическое правосознание» и т. д [Порядок или демократия?].

На практике же ценности правосознания советских граждан оставались переходными, когда у многих они уже перестали быть, во многом, традиционными, но так и не стали советскими и социалистическими. Так абсолютным идеологическим мифом стало утверждение о победе при социализме над такими пережитками темного прошлого как преступность, в особенности тяжкая (убийства, ТТП, грабежи бандитизм), проституция, наркомания. Даже официальная статистика СССР 60-х – 80-х гг. XX века показывает практически трехкратный рост зарегистрированных

преступлений, с тенденцией удвоения прироста каждые 5 лет [Криминология, 2001: 170]. Таким образом, ценностный комплекс советского правосознания может быть охарактеризован как двойственный, где позитивные декларации опровергались конкретными массовыми противоправными действиями. Во многом вытекавшими из сохранившегося правового нигилизма.

2.3 Постсоветское правосознание

Рассматривая постсоветское правосознание, необходимо отметить, что к этапу его формирования в начале 90-х годов XX века, правосознание большинства российских граждан подошло в так называемом промежуточном переходном виде, в рамках которого весьма сложно и причудливо объединились пережитки традиционного правосознания, в первую очередь усилившийся правовой нигилизм, и декларации советского этапа. На новом этапе предстояло, по заявлениям идеологов строительства новой России, интегрировать в массовое сознание и правосознание, как его разновидность, ценности и идеалы свободы, демократии, новой рыночной экономики, капиталистического уклада производства, конкуренции и т.п.

Однако, декларации и практика правоприменения, особенно на низовых уровнях общественно-правовой системы, как и на предыдущем советском периоде, вступили в серьезную коллизию. Это привело к очередному ренессансу правового нигилизма и лавинообразной эскалации противоправных практик социально-экономического взаимодействия в обществе. Очередное рассогласование между политико-правовой теорией и практикой привело к установлению двойственности ценностном комплексе правосознания россиян, когда нормативные акты и правовая политика в целом содержали требования правомерного поведения и декларировали формирование социальных механизмов его поощрения, тогда как практика предоставляла широчайшие возможности для не надлежащего исполнения или полного не исполнения различными участниками правоотношений своих правовых обязанностей.

Такая практика, помноженная на громадность и запутанность системы юридической регламентации поведения и деятельности в реформирующейся России, породила усиление бюрократизма, коррупции, создавала условия для расцвета криминалитета, а в массовом правовом сознании генерировала чувство социального раздражения от правовой неопределенности. Комплексный кризис, в который попала реформирующаяся Россия, характеризовавшийся комплексным ослаблением правоохранительных институтов и механизмов обеспечения правопослушания вывели на передний план среди ценностей правосознания громадного количества россиян правовой скептицизм, в условиях чего появилась определенная когорта населения, бравировавшая своим правовым нигилизмом.

В тоже время, в качестве реакции на эти процессы в правосознании больших масс населения стали выходить на передний план консервативные, патерналистские и этатистские ценности, в которых на передний план стали выходить представления о

порядке, установленном в СССР, как наиболее исторически близком и известном, о необходимости усиления деятельности правоохранительных органов вплоть до необходимости репрессирования преступников, о необходимости возврата к традиционным консервативным ценностям, включая гендерные роли, этические нормативы поведения и модели воспитания. В таких условиях, давая качественную характеристику сложившемуся на этапе реформ ценностному комплексу правосознания следует отметить его эмоциональность в пику рационализму, категоричность в противовес аналитичности и шаблонный примитивизм («Решать надо по понятиям!», «Вор должен сидеть в тюрьме!» и т.п.).

На современном этапе, следует констатировать, ценностный комплекс правосознания россиян несет в себе черты и компоненты всех предыдущих этапов, поэтому он весьма сложен и может генерировать любые типы поведения в стандартных правовых ситуациях, вплоть до парадоксальных. Следует отметить, при этом, что социоцентрическая парадигма в праве и правосознании, отмечавшаяся нами выше еще применительно к традиционному этапу, так до сих пор и остается в большинстве случаев господствующей. В тоже время, в принятой в 1993 году Конституции России хоть и были закреплены естественные неотчуждаемые права – свободы человека, переориентации принципов социально-правового устройства на индивида так и не произошло. Продолжает сохраняться приоритет социального целого перед индивидом, как его частью, что интерпретируется в специфической государственно-правовой политике [Интересы государства и права человека, 2017].

Сложившиеся, в тоже время, квазидемократические формы государственной власти и практики функционирования политической системы, приводят в наши дни к развитию в массовых слоях таких негативных социальных реакций как конформизм, отчуждение и эскапизм (от англ. escape – побег, бегство), которые особенно остро проявляются в области правоприменения, продиктованные неверием в силу закона, возможности правовой защиты и самозащиты, и в пиковых проявлениях, вызывающие девиантное и откровенно противоправное поведение.

3. Заключение

Подводя итог проведенному рассмотрению, следует отметить, что правосознание россиян явление весьма сложное, многослойное и отчасти даже и запутанное. В условиях усложнения окружающей социально-политической ситуации, характеризующейся интенсификацией вызовов и угроз с которыми сталкивается российское общество, реакция на них правосознания россиян, как основы формирования гражданских идентичностей может, до определенной степени, стать основой предсказания путей и форм развития старых солидарностей и генезиса новых. предсказуемой. Так, граждане с господствующим в правосознании традиционалистским компонентом, генеральным архетипом которого выступает «порядок», формируя традиционалистскую солидарность, постоянно держат в фокусе сознания некий идеальный образ порядка, в отношении которого вызовы и угрозы

являются факторами, способными привести к его разрушению. Традиционалистское сознание не может этого допустить и, поэтому, группы и страты с этим превалирующим типом, готовы сформировать охранительную солидарность и пойти на любые урезания и ограничения своих позитивных прав для сохранения этого порядка. Это и не удивительно, так-как из-за четкой общественно-правовой ориентации не на правоприменение по закону, но на правовые обычаи и повседневные социальные практики, ограничение прав для людей с таким типом сознания не является катастрофой или ущемляющим фактором.

Примыкающим типом выступает так называемое советское правосознание, в центре которого находится архетип стабильности. В тоже время, необходимо отметить, что правовым измерением стабильности для человека с превалирующим советским типом правосознания является категория законности. В идеале советского правосознания, стабильность обеспечивается единством закона, равенством всех перед ним и беспрекословным его соблюдением. Относительно последнего сегодня, с позиций этого типа, существует абсолютный диссонанс между правовой теорией, в том числе изложенной в виде диспозитивной части законодательства, и реалиями правоприменения связанными, зачастую с беззаконием произволом. В таких условиях, носитель советского правосознания для формирования и поддержания стабильности/законности готов на меры не менее крутые, нежели чем носитель правосознания традиционалистского. Правда здесь идет речь о сущностно других мерах. Итак, носитель советского типа правосознания не готов солидарно отказаться от своих прав, подобно традиционалисту, но готов согласиться с предоставлением расширенных, прежде всего силовых (карательных), вплоть до репрессивных, прав и возможностей государственным органам для обеспечения законности и как следствие поддержания стабильности в обществе. В таких условиях, сформированная на основе этого типа солидарность, будет, в большинстве случаев, солидарностью сторонников силовых методов решения вопроса, со стороны государства, готовых на тоталитаризацию общества, если это обеспечит адекватный ответ на вызовы и успешное противодействие угрозам.

Современное постсоветское правосознание амбивалентно. Это утверждение вытекает из того, что, с одной стороны, декларации свободы и демократии пронизывают всю современную отечественную социально-правовую систему, начиная с Конституции – Основного закона государства, но правовая практика повседневно дает основания усомниться в их реальной действительности. Также можно констатировать, что, постепенно, в правовом сознании современных российских граждан, да и в сознании вообще, ценности развития все более и более уступают лидирующие позиции ценностям выживания, при чем, выживания последующих поколений, что выступает основой формирования солидарности. Именно поэтому, на первом месте среди референтных для этой солидарности проблем, по мнению россиян

выступает, затруднение доступа к качественному медицинскому обслуживанию и образованию.

Таким образом, можно констатировать, что при все более и более очевидном проявлении вызовов и угроз, в социальном плане, в фокус правосознания выйдут традиционалистский и советский типы, при господстве которых, граждане будут солидарно готовы и на ограничения прав и на активизацию карательных функций силовых органов, если это обеспечит выживание сегодня и для последующих поколений [Запрос на перемены, 2018].

Библиографический список

Астырев Н. М. В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления. М., 1896. 396 с.

Изгоев А. С. Общинное право. – М.: Тип. «Надежда», 1906. 160 с.

Интересы государства и права человека [Электронный ресурс] // Левада-центр: [веб-сайт]. Пресс- выпуск от 03.04.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/04/03/interesy-gosudarstva-i-prava-cheloveka/> (дата обращения: 12.01.2019).

Информационно-аналитический доклад Российское общество после президентских выборов-2018 запрос на перемены. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. – 55 с.

Кистяковский Б. А. Право, как социальное явление // Вопросы права. М., 1911. Кн. VIII (4). С. 1–17.

Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. М.2001. 912 с.

Порядок или демократия? ВЦИОМ Данные опросов [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [веб-сайт]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=843> (дата обращения: 12.01.2019).

Werth N. La Terreur et le désarroi. Staline et son système, Perrin, Paris, 2007. 614 p.